

Сергей Зверев

Мы родились в тельняшках

«Научная книга»

2011

Зверев С. И.

Мы родились в тельняшках / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2011

Сербское правительство обратилось с просьбой о помощи к российскому отряду морского спецназа. Капитану второго ранга Татаринову и его команде предложено обнаружить и перекрыть морские каналы поставки оружия албанским террористам, которые устраивают зверские теракты в сербских городах. Но торговцы оружием законспирировались так, что задача поначалу показалась невыполнимой...

© Зверев С. И., 2011

© Научная книга, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Зверев

Мы родились в тельняшках

*Монеты брэнной звон
Заглушит крик и плач.
Визирь взошел на трон.
Богатым стал палач.*

Пролог

Стоимость пива на сборе регламентируется командованием

Голицын стонал. Он слышал собственные протяжные и резко обрывающиеся звуки посреди ночи, но проснуться не мог – нырнул глубоко. Сон не отпускал его. Преодолеть давление воды не представлялось возможным, и он решил выждать, когда хватка бездны ослабнет и позволит ему всплыть. Это неминуемо произойдет, надо только еще немного полежать на кровати в офицерском общежитии и постонать.

Легко думать о том, что надо перевернуться на другой бок и прекратить нахлынувшую корявую симфонию несоединимых сочетаний: мозаики цветов и таскающих из стороны в сторону морских подводных течений. Хочется успокоиться, переключиться на видение поприятнее, но как это сделать?

Денис нырял. Что происходит, то и снится. Виновата перетренированность. Вчера он качался до одурения, после пил протеиновый коктейль, а потом бежал пять километров с мешком песка на плечах по сопкам, покрытым девственным хвойным лесом. Дышать хвоей для легких полезно, размышлял Голицын, продолжая стонать и разглядывать ненавистный риф.

Он не любил этот навязчивый сон, где ему приходилось все время преодолевать недостаток кислорода и сражаться с гигантской мантой. Скот норовил расцечь его стальными крыльями-плавниками и при этом говорил человеческим голосом, чтобы он больше никогда не воровал кораллы, иначе штраф тысяча долларов и впредь в Египет не пустят ни за какие заслуги перед африканским государством.

Но сегодня ночью Голицын был силен как никогда. Неужели человек, приседающий со штангой в двести килограммов несколько раз (не прибавил ли он себе силушки?.. но во сне можно), не способен разорвать какого-то ската, пусть и огромного, пусть его и называют «морской дьявол»? Но Денис снова уставился на кораллы. Каждый раз картинки разные. Расстройство от набившего оскомину начала и понимания того, что он вновь увидит во сне рыбок, испарилось. И пусть потом, как всегда, внезапная схватка, схватка за собственную жизнь с морским монстром. Он ничего не в силах изменить. Придется вновь пережить весь сон. Плата за просмотр подводных сокровищниц – бой, но до него еще есть время. Вот они прямо перед ним – кораллы едко-соленого Красного моря.

Денис увлекся разнообразием живых форм, сгрудившихся на маленьком пятачке, и, прищурившись, стал наблюдать, как маленькие рыбки, почему-то сегодня в желто-черную полоску, сбившись в приятную глазу стайку, сновали меж колышущихся травинки и играли в догонялки, ловко шныряя меж розовых веточек. Как будто он сунул нос в гигантский аквариум. Пара кальмаров, неистово выражавших гамму переполняющих их чувств, используя врожденный контроль за пигментными клетками, переливаясь от сиреневого до темно-красного, вдруг в еди-

ном порыве полыхнули фиолетовым в десяти сантиметрах от лица. Нырлящик поморщился от яркости вспышки.

Тень!

Вот он снова приплыл за ним, сволочь. Весь черный, с серебриющимися окантовками огромных пятиметровых крыльев. ОХРАННИК КОРАЛЛОВ.

«Но я же ничего не брал и не трогал!» Да разве ему объяснишь – он же акула, сплюснутая не с боков, как все, а под прессом. И осталось от нее мокрое место. Потом останки ожили и поплыли, взмахивая смятыми боками.

Скат улыбнулся Денису своим метровым ртом.

«Урод тот еще».

Засмотришься вот так и забудешь, что акваланга на тебе нет. И кислорода брать неоткуда. Спящий боевой пловец почувствовал, как начинает кружиться голова и шупальца паники, прямое следствие потери ориентации, обвивают и стягивают его волю. Света стало меньше. Стена рифа уходила в темноту, в бесконечность, и казалось, что именно там спасение. Не соображая, он двинулся вниз, но вспомнил вовремя: «Верх там, куда идут пузыри!» Денис нашел дорогу домой. На сушу. К подвластному ему миру.

«Морской дьявол» заложил вираж, не махая плавниками, и, как истребитель Т-50, понесся на него, мечтая рассесть.

Голицын сориентировался. «Ты чего, дурак! Вон и солнце светит сквозь толщу. Закачивай с ним – и домой, уже утро. Соберись!»

Он поднырнул под налетающего хранителя, изловчился, запустил руку в пасть чудовища и, забравшись поглубже, выдернул у ската кишки.

«Эх, и много! Как у человека прямо, а может, и больше», – размышлял успокоившийся старший лейтенант, разгоня кровавые завихрения и надменно провожая оседающую на дно тушу, причудливо планирующую вниз, будто листок бумаги, брошенный с балкона. На удивление, кислорода в легких еще достаточно. Наконец-то, в десятом или пятнадцатом сне, удалось приговорить гада. Всплывать, всплывать срочно!..

Стон пропал. Денис резко сел. На будильнике пятнадцать минут пятого. Больше не уснуть. Загнал себя... Все, все, все. Надо сбрасывать нагрузки. Побалдеть денек-другой. Витамишки, медитация на теоретических занятиях или во время чистки оружия...

– Голицын, чем занимался?

– Учил магчасть, товарищ кавторанг.

– Во-во, продолжай. Завтра стрельбы. Готов?

– Так точно.

От общежития до военного городка, спрятавшегося где-то в Ленинградской области на побережье Балтики, два километра. Не найдя себе занятия утром, боец отряда «Кракен» старший лейтенант Денис Голицын, известный узкому кругу лиц (а широкому так и вообще неизвестный) под псевдонимом Поручик, пришел в штаб бригады морской пехоты, в маленькую комнатку, отведенную для группы боевых пловцов, приплющил стул центнером мышц, скрючил развитое тело и воткнулся в Интернет.

А там картинки, картинки, как в детской книжке... Время перестало существовать для Дениса.

– Здравия желаю.

«Полчаса, как три секунды...»

Старлей сморгнул, свернул окно с дорогими автомобилями и попытался встать, но был остановлен барским «сиди».

Капитан второго ранга Татаринцов, для подчиненных Кэп, появился на пороге ни свет ни заря. Развод в восемь, время семь. Не спится. Старость не радость.

– Дед был?

Старший мичман Диденко, любимый персонаж командира спецназа во время учебных сборов, отсутствовал. Почему любимый? Диденко воин старый, а посему мудрый. Татаринovu доставляло удовольствие смотреть за тем, как мичман, познакомившись с новым образцом экипировки или вооружения, сразу начинал критиковать штуковину и находить в ней только ему очевидные недостатки.

«Пользуемся мы обычными рациями, зачем мне эти маленькие штучки в ухе? А если я захочу барабанную перепонку почесать, вынимать придется; рация эта – блин, таблетка какая-то – в пыли потеряется, и останусь я без связи».

«Не чешись», – рекомендовал Кэп, понимая, что человек имеет право почесаться, даже спецназовец, даже на задании.

«Ну а для чего мне электронный компас? Я могу по солнышку, могу по Полярной звезде, по растениям могу, по берегам реки, по известным подводным течениям сказать, где юг, где север... у меня, наконец, и жидкостной еще работает. А по маятнику и длине тени я вам скажу и широту, и долготу», – бормотал Дед, разглядывая «штучку», внутри которой сидел ГЛОНАСС».

– Рано, товарищ кавторанг. – Денис посмотрел на пустующий стол.

– Поручик, ты мне определенность давай. Поди, с Диденко вчера после кросса засели вечером и месячную выручку кафешке сделали... Вы не морские, а пивные дьяволы!

– Так заранее договаривались, – оправдывался Денис, – я ж не очень по этому делу, у нас Дед больше.

– Да, тебе бы выпотрошить кого.

«Откуда Кэп знает про сон и кишки ската?! Да ну, фигня, не может он... Коперфильд!» Иногда Поручику казалось, что командир может видеть его мысли. Мало того что у Татаринова мозг шахматиста, так еще экстрасенсизмом попахивает.

«Нет, ошибка, отставить. Одеколон. Точно. Может, не будет физо? Зачем себя поливать парфюмерией, если собираешься потеть?»

– Много выпили-то вчера? – чересчур заботливо поинтересовался командир.

Спортзал – это для неженков. Маты расстелены, татами упругие, груши чистенькие... Камешки на побережье – самое то для морского пехотинца. Не облепил кости мускулами – будет больно.

Отряд «Кракен» в полном составе – вместе с командиром семь упругих тел – выстроился на побережье в одну шеренгу. Начальник вышел перед подчиненными, стянул с себя тельник и порадовал сослуживцев крепким жилистым торсом и двумя заросшими отверстиями от пуль в районе правого легкого.

Начали строго, даже сурово. Пять километров по проминающим подошвы ботинок камням, вдоль прибоа. Теперь продолжают. Чутье не обмануло Поручика. Предстояли спарринги, «мордобитье». Своих лупить ему не хотелось. И где-то глубоко внутри тлел никчемный уголек надежды, что и его сослуживцам не доставляло удовольствия мутузить коллег по цеху. Или доставляло?

Благодаря приказу случился совсем, с точки зрения Дениса, необязательный рукопашный бой. Вот она служба: вчера вы с товарищем пиво пьете, а сегодня будьте любезны чистить ему морду...

Кэп предпочел организовать пару из старшего мичмана Диденко и Голицына именно в педагогических целях. Поручик надеялся, что от такого коварного хода у кавторанга случится кровоизлияние в его совершенный мозг.

Двухметровый мичман Малыш ткнул кулаком коллегу по специализации, минно-подрывному делу, старшего лейтенанта Бертолета и тут же получил шуточный тумак в ответ.

– Дед минуточку не простоит. – Мичман с грустью провожал взглядом выходящего из строя Диденко.

– Без вариантов, – согласно кивал головой Бертолет.

Денис вразвалочку встал напротив ветерана и виновато смотрел на него. Завестись он просто не мог.

– Начали! – безжалостно скомандовал Татаринов.

Дед сплюнул, высморкался и с шутливым криком: «За баб и водку!» – бросился на Голицына.

– Отставить смех! – одернул Татаринов, и бойцы на полном серьезе занялись привычным для них делом. Хорошо и грамотно убивает врагов тот, кто много тренируется.

Старший лейтенант сделал из себя годами упорных тренировок и фанатизма – в спецназе без фанатизма нельзя – настоящую «машину смерти», способную сеять ужас и разрушения. Прокачанный, жилистый, выносливый, как смазанный трос, способный плыть и бежать без остановки, тащить на себе свой собственный вес, уподобившись муравью, несколько километров. Стокилограммовая, без единой жиринки, конструкция была вылеплена из длинненького тонкокостного сутулого в свою четырнадцатилетнюю бытность скелетика.

Голицын знал свое тело. Знал, как лучше бить кулаком, чтобы не травмировать кистевой сустав. Знал, что не стоит тянуть ноги в шпагатах, потому как резкости не хватает. Знал, что может выманить соперника, вытерпеть несколько ударов, выставляя бесконечные блоки, ради того чтобы сократить дистанцию, уйти немного в сторону, поддержать, прихватить, зайти сзади и, сдавив шею, насладиться победой, почувствовав похлопывание по окаменевшей в захвате руке.

Как ни странно, он не был выдающимся специалистом по рукопашному бою, как тот же Дед, – вот если с ножами – другое дело, или пострелять из чего хотите, хоть из дуэльных пистолетов восемнадцатого века, тут без вариантов; но с голыми руками против Диденко... Э-э-э-х.

– О, е! – обронил Голицын, отступая.

Дед отсушил плечо так, будто у него на руке был кастет. Голицын пригляделся. Нет. Без металла, рука металл.

«Сука, не шутит ни хрена. Ладно. Включим ноги».

Превозмогая боль и забыв про пиво, Поручик приступил к активным ответным действиям.

В боксе бьют руками, в тэквондо ногами, а в спецназе – всем вместе и одновременно; вот почему никто не может победить элитных бойцов. Взлетай, и со всех сторон залпом «пли!» по туше врага. Ну и что, что гравитация... Забудь. Нет ее!

Мальш, самый длинный в группе, грустил, глядя на живую стену из стремительно носящихся в воздухе конечностей, мелькавших настолько быстро, что казалось, между бойцами действительно находится некая живая материя. «Лучше сразу под поезд. Зачем же затягивать? Убьются ведь».

Связист Марконя аж высунул от любопытства язык и утратил признаки взрослости. Лицо его разгладилось, морщинки исчезли, глаза горели интересом. Где еще увидишь бой настоящих гладиаторов?

Дед отпрыгнул. Удар по бедру едва не подкосил его. Голицын подлетел к ошарашенному противнику и обозначил удар в открывшееся на мгновение горло.

– Стоп! – рявкнул Татаринов. – Встать в строй.

Раздались дружные аплодисменты.

– Пардон, – виноватым тоном прошептал бывшему сопернику Голицын. За что получил дежурное «пошел в жопу» от начавшего хромать Деда.

Балтийское море ни волной, ни ветром не выказало ни разочарования, ни восторга от разразившегося на его берегу маленького турнира. А меж тем сам отряд «Кракен» благодаря спаррингам обогатился силой воли, пропитался ощущением настоящего боя, но стал беднее на два зуба, удаленных капитан-лейтенантом Марконой у старшего лейтенанта Бертолета путем выбивания оных из нижней челюсти без использования какого-либо специфического инструмента. Кулак – вот в чем сокрыта дикая мощь природы, вот символ эпохи царствования человека на планете Земля...

Стоматолог озадаченно разглядывал место, где недавно сидели два коренных. Клацнув откладываемым в сторону невидимым инструментом, обнадежил:

– Поставим протезы. Но придется вам ко мне походить, товарищ старший лейтенант.

Бертолет поднялся, подошел к зеркалу и стал разглядывать синее-синее лицо.

– Раз надо, значит, надо.

Выйдя из кабинета «дохтура», подрывник увидел сидевшего на стуле с виноватым видом Марконю и Кэпа. Капитан-лейтенант встал, не зная, что он должен говорить в такой ситуации.

По коридору медсанчасти хромал сердитый Дед, которого заботливо сопровождали Голицын и Мальш.

– Как нога? Берцовая кость цела? – нечетко произнося гласные и согласные, заботливо промычал разбитым ртом Бертолет, встречая Диденко.

Солидарность побежденных. Им досталось сегодня больше остальных. Но завтра карты лягут по-другому. Непременно.

– Цела. Сильный ушиб.

Командир нырнул на глубину, там вздохнул с облегчением, чтобы, понятно, никто не видел – на фига ему калеки в строю, – и вернулся обратно.

– Отдыхать до конца дня. Пиво на сборе более не хлестать, иначе все будете ездить на каталках и шамкать беззубыми ртами. Это вам армия, а не слет юных памперсоносцев. Все. Разойдись, мое войско, на все четыре стороны.

Глава 1

Нарыв

Стресс. Беспорядочно бегающие расширенные зрачки, пытающиеся понять враждебный мир, дергающиеся из стороны в сторону и неспособные зацепиться за пространство, сотканное из предметов и растений. Тусклое, агонизирующее сознание, загнанное в угол ужасами, рождающимися в мозгу.

«Меня вот-вот обнаружат и сожрут. Я дичь, я насекомое».

Хочется стать еще меньше, закрыть глаза, повалиться на землю у придорожного куста и помереть – нет, не совсем, на время, чтобы переждать, пока успокоится и растворится засасывающая тебя адская воронка нахлынувшей истерии.

После скоротечной перебежки сырая и набухшая футболка под свитером и курткой из прорезиненной ткани пропитывается огромной порцией пота, а внезапная мелкая дрожь, зарождающаяся в кончиках пальцев и распространяющаяся по всему телу, заставляет трястись в унисон с ошалевшими глазными яблоками.

Фатос оцепенел. Ночное небо, под которым он мок изнутри от выделений собственного тела и снаружи из-за идущего дождя, снисходительно смотрело на него черными клубящимися плывущими необычно низко, созревшими и отдающими капли облаками.

Запущенный по их следам сербский патруль шел быстро. Не особенно стараясь замечать кого-либо впереди, или сбоку, или вон в той наполнившейся благодаря ливню канаве, пограничники дежурно пытались сесть на хвост перебежчикам.

Четверо албанцев, распластавшись в придорожном подлеске с напряжением сжатой возвратной пружины пистолета, смотрели за чавкающими грязью патрульными. Когда в десяти шагах от Фатоса солдаты остановились, он испугался. Никто из его группы не мог видеть случившегося, некому было ткнуть в бок, чтоб опомнился, так как остальные успели залечь дальше во мраке разросшейся «венгерской сирени».

После, как ни старался, он не мог объяснить самому себе, что же случилось. Почему он вдруг оцепенел, забыв уткнуться носом в грязь и не дышать, а вместо этого таранился куда-то – видимо, на солдат, но скорее в адскую манящую бесславно концом трепыхающуюся мотыльком бесконечность, нарисовавшуюся от внезапного стресса в пропитавшемся ужасом сознании.

Сербы закурили. Двое пошли отлить. Один остался на месте, но, услышав журчание, передумал и пошел вслед за парой отдавать обратно временно позаимствованное у природы. Кусту, рядом с которым потел и трясся Фатос, досталась великолепная порция удобрений под аккомпанемент рассуждений на тему, как их забодало, так твою растак, гоняться за каждой тенью. По дулу всем начальникам в зад и беглый огонь, туды их всех и их прихвостней. Границу обустроить надо и транспорт какой-никакой давать, а не заставлять пешкодралом по горам и долам на своих суставах лазать.

Стоя на дороге, зажатой с обеих сторон разросшимися деревьями, не слишком-то и уловишь, как усиливается ветер. Летний ливень стремительно уходил, оставляя после себя избыточную влажность. Облака начали кучковаться в одной стороне. Они уносились прочь так быстро, будто владелец гигантского шлейфа, выделанного из кипящей и собравшейся в причудливые комки с нечеткими краями темно-серой каши, растекшейся по стеклянному небу, подбирает его, спохватившись.

Вновь нахальная луна безнаказанно раздавала всем без разбора украденный у солнца свет.

Серб вздрогнул. Тут ширинку застегиваешь, а на тебя глаза смотрят... с земли прямо.

Чтобы выстрелить в белое пятно человеческой мордахи, у патрульного не было и двух секунд. Непроизвольно попятившись, он выдал себя, и лежащий чуть дальше в кустах Резар нажал на спуск. Тугие хлопки, напоминая звуки тюкающих по асфальту один за другим пережженных глиняных кирпичей, слились в маленькую канонаду. Крики раненых, отброшенных тяжелыми пулями, перемешались с короткой очередью из «калаша», выпущенной наугад в темноту. Серб залег, плюхнулся на мелкие камешки тропы и старался выцелить хоть кого-нибудь.

Двое его товарищей были мертвы. В него дважды попали, но он мог двигать одной рукой, а главное – дышать. Свист из простреленного легкого оставлял бы надежду, если бы он оказался сейчас на больничной койке, а не в центре безжалостной заварушки. Воя от боли, он только теперь понял, что левое плечо не работает. Кажется, раздробило сустав.

К нему уже подходили.

«Не успеть! Не смогу! Выстрелы!»

Крошка разлетающихся от пуль камней сечет лицо. Ужас выдернул душу из тела, и человек увидел на мгновение себя посреди мокрой дороги, беспомощного, приговоренного к смерти.

«Не смогу».

Он повернулся на спину. Направил автомат в небо – и разряжал магазин, пока вверх не ушли три трассера. Увидят, должны, от заставы не так далеко.

«Они должны слышать выстрелы. Видеть выстрелы, черт возьми. Еще полрожка».

Неуклюже повернувшись, он направил автомат в сторону албанцев...

Голова дернулась от попадания. Противник обмяк.

Резар подошел и выстрелил еще раз.

– Че встали? – шипел он. – Стаскивайте их с дороги.

Перезарядив автомат MP5SD с интегрированным глушителем, он забросил его за спину и, подавая пример членам группы, поволок в подлесок убитого патрульного.

После того как они прибрались, командир диверсионной группы подошел к Фатосу и стал без слов смотреть ему в лицо.

– Ты не вздумай, – запричитал Фатос, отходя назад и цепляясь руками за куртки стоящих рядом Лоренка и Эгзона. – Вся твою семью порежут, слышишь?

Резар слышал.

– Ходу, – негромко сказал он.

Группа, нацепив на себя тяжеленные рюкзаки, продолжила движение к их первой цели – трассе, ведущей к городу Кралево.

Шагая вторым позади худого и длиннющего Лоренка, Резар размышлял над брошенными в лицо словами Фатоса.

«Толстый ублюдок обделался, наверное, с перепугу. Сербы ему едва не залили мочой глаза». Когда он его увидел в первый раз в костюме, сидящего на кожаном диване с девицей в обнимку посреди бара, Резар решил, что перед ним хозяин заведения, настолько уверенно и вальяжно вел себя этот холоп. Но он ошибся, что случилось с ним нечасто. Снабженный четкими инструкциями представитель Народно-освободительного фронта Албании (НОФА) – название организации для пафоса, на самом деле те же бандиты, только со связями в политике, – Резар пришел на стрелку к занимающемуся контрабандой по всему средиземноморскому региону Джезиму. В тот вечер он знал только имя, а вот его знали в лицо. Именно Фатос проводил его из шумного зала в обитую мягкой тканью большую и хорошо обставленную комнату.

Джезим оказался стариком с морщинистым болезненным лицом. Он не выпускал из уголка рта постоянно зажженную сигарету, из-за чего некоторые его слова было не так просто разобрать. Владелец сети ресторанов и ночных баров, разбросанных по всему албанскому

побережью, Джезим был силой. Силой, настолько реальной, что с ним предпочитали договариваться. Все, включая политическую верхушку. Главное, он не обижал и не притеснял албанцев.

Он паразитировал на других: на американцах, с их постоянным желанием гноить сербов, потому что в тех течет родственная русским кровь; на зажиточных европейцах, желающих в буйную ночь чистого «герыча» или «кокса»; на зажавшихся на дорогой нефти арабах, не знающих, кого бы им еще отыметь в своих покоях: девочку, мальчика, двух девочек, двух мальчиков... Если у тебя есть связи, ты всегда можешь заработать на желаниях сумасбродов. Не так ли?

Но у старика, управлявшего небольшой бандитской империей, никогда не было желания убивать соотечественников, которые, как говорится, не при делах. Он посылал далеко и прямо амбициозных политиков, «утонченно» нанимаемых штатовской администрацией и требующих свежей крови: спектакля с резней, взорванного автобуса с детьми, захвата и расстрела мирных жителей какой-нибудь косовской деревушки, населенной албанцами.

«Вы, пожалуйста, убейте! А мы позаботимся о том, чтобы свалить все на сербов. Нам надо-то: несколько красивых планов для западных компаний. Вот чемодан денег, не откажите». Свиньи падали ниц и лизали его туфли, но Джезим не изменял принципам. Убить серба? Может быть. Убить албанца? Нет.

Разглядывая павшего перед его столом в унизительно глубокое кресло сорокалетнего скуластого лысеющего ходока, пожилой убийца, вор и рэкетир, одним словом, бизнесмен, щурился, раздумывая: грохнуть и закопать или утопить.

Обратившись к постоянно горящей на столе свече, он прикурнул:

– Законная власть потеряла всякий стыд. Вы, якобы правительство Албании, приходите ко мне и просите дать вам оружие и проводника, чтобы вы смогли пройти через все Косово, вылезти в Сербию и убить там пару военных, пусть они и христиане, не храни их Аллах. Передай, пес, твоему хозяину, мнящему себя спасителем страны, что он мурак.

– Мы отдадим вам часть Марселя. Не весь, конечно.

Сигарета сиротливо ткнулась в пепельницу. Марсель – самый крупный порт Средиземноморья, но это детали, главное – прекрасный розничный рынок сбыта героина, и залезть туда – мечта любого уважающего себя наркоторгаша.

– Денег у вас нет, – издевательски подытожил Джезим, показывая здоровые от природы, но пожелтевшие от табачной смолы зубы. – А почему у вас нет денег?

– Дадите проводника и оружие?

Старик морщился, как от кислого, но дальше кривляться не стал.

– Пойдет Фатос – тот, что тебя привел ко мне. Он хоть и жирный, но его рожа – лучший документ. А если сдохнет, так руби его башку и таскай с собой вместо паспорта по всему Косово и всей Сербии. – Старик хрипло расхохотался и, схватив пульт, включил телик с порнухой. – Как вьются, изгибаются, это ж балет, – стал комментировать он, давая понять, что разговор окончен.

Резар вышел, довольный собой. Теперь дело за малым. Собрать группы, настропалить их на зверства и получать за каждый теракт бабки. Впереди была легкая беззаботная жизнь.

Менеджер тайных проектов ошибался. Пришлось идти самому.

Перейти границу между Албанией и краем Косово – пустяк, перейти границу с де-факто потерявшей Косово Сербией – сложнее. Но можно. Да они уже и перешли ее.

Так бандиты, сидящие у власти, попробовали закорешиться с махровыми мафиози. И у них получилось. Даже проще, чем с собственными военными.

К дороге на Кралево вышли потные, грязные и уставшие. Если бы их не заметили на границе, то как им спокойно и даже комфортно было бы сейчас. Хорошо, что народ бежит туда-сюда табунами. Всех не переловишь, не пересчитаешь.

У дорожного белого столбика спал, на удивление, не самый старенький микроавтобус. Посветив фонарем на кузов и убедившись, что цвет машины действительно «сливочно-белый», Резар подошел к кабине и направил луч внутрь, за стекло.

Обрез. Две дырки, как две глазницы иссохшейся мумии, гипнотизируя, уставились на него. Резар позвал Фатоса и, как учил его мафиози Джемим, предъявил толстяка вместо документов. Стволы ушли вниз. Водила, небритый маленький мужик за пятьдесят, улыбнулся и потребовал денег:

– Платим и едем.

Фатос бросил ему через опущенное окно перетянутый резинкой рулончик.

Пересчитав добычу, курьер любезно выкатился наружу и открыл задние дверцы микроавтобуса.

Сбросив тяжеленную поклажу, группа смогла вздохнуть полной грудью и поздравить себя с окончанием первого этапа.

Разминувшись с микроавтобусом на трассе, к месту расстрела патруля, сидя за рулем служебного «Форда», уныло ехал следователь Милош Ристич.

«Как хорошо жили двадцать лет назад, – вспоминал он. – До всего этого дерьма, устроенного политиками. Капитализм? Ну, пусть капитализм, но лицо-то человеческое ему оставьте. Косовские албанцы теперь не скоро успокоятся. Если успокоятся вообще. Подобие границы пришлось оборудовать, иначе погрязем в дерьме. Нелегальный алкоголь, сигареты, наркота, похищения людей, особенно девушек. Как Кавказ у русских, только пропорции другие, больше, страшнее, ужаснее. Будет тлеть и вонять. А жить как-то надо».

Свернув с трассы и проехав около пяти километров по проселочной дороге, он увидел два «УАЗа» с горящими фарами. Пограницы.

День заступал на пост, сменяя кровавую ночь, разгоняя тьму.

Капитан Власевич встретил прибывшего из города гражданского скорбным серым лицом и пространными жестами: мол, вот тут все и произошло. Выглядывая из-под брезента, армейские ботинки убитых пограничников не улучшили настроение, но хотя бы конкретизировали ситуацию.

– Трое? – уточнил Ристич, пожимая капитану руку.

– Да.

– Завалить, задеть сумели кого?

– Нет.

– Собаки взяли след?

– Обрывается на трассе. Там, откуда вы и приехали. Мы не смогли. Поздно среагировали. – Последняя фраза далась капитану тяжело, и, срывая злость от нахлынувшей волны бессилия, он рывкнул на четверых подчиненных, курящих посреди места, где произошла перестрелка: – Сядьте в машины! Не топчите здесь, говорил же!

Милош присел и подобрал отработанный желтый латунный цилиндр.

– Мы въезды в город перекрыли, – размеренно говорил он. – Может, и перехватим. «Зачем шли, для чего?»

– Что слышали? Бой долго шел?

– Какой бой, две очереди – одна короткая, вторая длинная. Да и далеко ушли от заставы. Разве найдешь сразу.

– Вот, гильза от патрона 9Ч19. Популярно. Как думаете?

– Распространено, – односложно согласился капитан и замолк.

Следователь огляделся. Он взял из машины фонарь – все же еще слишком рано – и стал прохаживаться от одного края дороги до другого. Наклоняясь к заинтересовавшим его деталям, в основном следам и стреляным гильзам, он умудрялся не марать сверх меры туфли, дабы

потом не тащить налипшее с собой в салон, но продолжал при этом «шаманить» над каждым примечательным кусочком дороги, собирая мозаику.

Капитан без интереса наблюдал за действиями Ристича. До его приезда он успел проделать тот же самый магический танец.

– Их как минимум трое, – выдал довольный собой следователь. – Идут с тяжелым грузом. Среди них один ростом под два метра, один не выше метра семидесяти пяти. Обувь – туристические кроссовки с рифленой подошвой, за что спасибо. Остальное смазано. Покрутились, смотрю, с собачками?

Не отвечая на укол, капитан, уверенный, что преступников двое, спешил разобраться:

– Почему трое?

– Гильзы, гильзы. Трое в засаде против троих на дороге, работали с глушителями, иначе бы вы слышали перестрелку. Но допустили ответный огонь. Отсюда вывод: не спец. Как считаете, капитан? А что их как минимум трое повторю, следует из того, что мы видим на земле. Один использовал автомат, двое других – пистолеты. Смотрите сами, гильзы sig-овские. Если это не заблудившиеся швейцарские полисмены, то нас хотят поймать по полной программе, капитан. Что вы видели, что они видели? – начал горячиться Ристич, тыкая в убитых.

Власевич взял из его рук редкую для этих мест пистолетную гильзу и потупился.

– Шум, тени. Какое-то движение. У меня по рации запросили разрешение преследовать, я разрешил. Нам бы приборов побольше, каждому же не дашь ПНВ. Ну не могли они видеть ничего вокруг, кроме тропы под ногами. Я виноват?

– А чего тогда поперлись следом, если не видать ни хрена? Служба, что ли?

– Глаза закрыть на все предлагаете? Зачем мы тут тогда вообще стоим?

Пререкание не переросло в ссору только потому, что следом за Ристичем к месту подъехали его коллеги. Следователь вновь стал спокоен и рассудителен, как раньше.

Да, прибыл первым. Живет недалеко.

Оставив коллег «щелкать» фотки и собирать улики, Милош понесся обратно в город. Не дожидаясь поворота на трассу, он начал выбирать большим пальцем номера из бесконечного списка телефонов.

Сегодня четверг. Последний четверг месяца. В этот июльский, обещающий быть жарким день мэр Кралева – Десимир Янкович собирал большое совещание в просторном зале городского муниципалитета.

Сухой, с недобрым блеском в глазах, начальник и хозяйственник любил раздать отличившимся сестрам по серьгам, у неотличившихся отобрать часть зарплаты, накрутить хвосты всем подчиненным для пущей резвости, чтобы жизнь медом не казалась, и вдоволь поорать на всех в новенький микрофон.

Для Янковича это собрание было важнее, чем для города. А где еще он может оторваться по полной? И все в рамках закона. Нет такой статьи «моральное изнасилование».

Мэрпил апельсиновый сок, стоя на третьем, самом верхнем этаже у окна своего кабинета в одних брюках и носках. Его рабочее пространство, как хочет, так и стоит. Ну и что, что полуголым смотрит на площадь. Никто не видит. Стекла затонированы.

Мэр не мог видеть, как на стоянку рядом с администрацией встал неприметный светлый микроавтобус. Как из него вышел средних лет невысокий лысеющий брюнет в отглаженном костюме, отпустил немолодого водителя в потной синей рубашке с коротким рукавом, после чего медленно пошел к центральному входу в мэрию.

Лоренк и Эгзон, сидя в салоне с плотно зашторенными окнами, с презрением посматривали на Фатоса. Они были ветеранами в прошлом и наемниками в настоящем, а кем был этот

Фатос, человек какого-то Джезима? Трусливая, продажная туша. Он не пойдет с ними. Ну и начхать.

Лоренк наклонился к Фатосу и резким движением выдернул пистолет из его кобуры.

– Тебе незачем, толстый.

– У нас семей нет, – последовал за приятелем Эгзон. – Вот моя семья, сука. – Он ткнул в толстое пузо стволом автомата.

Проводник заскулил.

Получив удовольствие, боевики отхлынули на место, поглаживая от нетерпения новенькие SIG SG 550.

– Сколько тебе заплатили, гнилушка?

Электронные часы беззвучно обозначили десять утра. Руководитель посмотрел на них, как бык на красную тряпку. Глаза его начинали метать молнии.

«Пусть посидят, попарятся немного. Был бы действительно монстром, велел бы отключить кондиционеры в зале. Чтоб нюхнули дерьмеца собственного».

Так, накачивая себя, распаяясь и стервенея, мэр готовился задать жару.

«Какие у нас реки красивые: Ибар, Рибница, Западная Морава. Город ведь стоит на них, не курятник, не кроличьи клетки! А пляжи засерают. Почему не убираете? Я вам покажу, я вас носом-то потыкаю!»

Резар вошел в холл через стеклянные двери, которые приходилось дергать на себя по старинке. Никаких тебе наворотов ни снаружи, ни внутри: ни электроники, ни механики. Створки в стороны при приближении не разъезжаются, лопасти вертушки не крутятся.

Охранник, сидя за столом перед рамкой металлодетектора, поднял голову. Сделав неопределенный, скорее извиняющийся жест, боевик вышел на улицу.

Сев на место водителя, первым делом он уставился на Фатоса:

– Развернись и жди нас. Двигатель заглуши, мы не на пять минут. Купи воды и жратвы. В холле трое, оружие – пистолеты. Если угодно Всевышнему, мы сегодня потрясем этот мир.

Они вылезли из фургона и пошли через площадь к центральному входу. Сделали они это так быстро, что свидетели не смогли бы точно сказать, откуда появились одетые в камуфляж и экипированные люди. Вроде из того фургона, а вроде и нет.

Следователь Ристич устал следить за дорогой и одновременно жать на кнопки сотового. Секретарь мэра не хотела брать трубку, а других номеров он не знал. На его просьбу усилить наряды начальник полиции ответил ему, что люди и так измотаны. Все, что можно, и без того усилено. Дальше только мобилизацию объявлять.

Мэр хоть и был вспльчивым мужиком, но не слыл идиотом; кроме того, встречался с ним однажды Ристич, руку жал. «Надо, надо съездить переговорить. Я ж был на месте. Скакну через голову, что делать? Раз не хочет шеф понимать ситуацию, так, может, мэр поддержит».

Встав на стоянку, Ристич покосился на показавшийся ему знакомым микроавтобус, но решил, что сие есть «параноя раннего подъема», и открыл дверцу авто, мечтая о кофе.

Да. Пусть из автомата, и стаканчик пластиковый.

После того как он выбрался из машины, солнце ослепило сетчатку. Пришлось щуриться. А когда наконец освоился, увидел трех вооруженных людей в бронежилетах и с рюкзаками, вошедших в тень административного здания,двигающихся гуськом с оружием на изготовку.

Ристич забыл о кофе и вытащил из кобуры «беретту». Хорош ствол.

«Свои, не свои?»

– Полиция! Оружие на землю! – выкрикнул он.

Лоренк мгновенно развернулся, присел и выпустил по Ристичу короткую очередь.

– Не останавливаться! – закричал Резар и метнулся к входу, увлекая своим примером остальных.

Мамаша, шедшая через площадь с ребенком, вздрогнула и, не оборачиваясь, понеслась прочь, увлекая за собой дитя. Народ, оказавшийся на месте перестрелки перед мэрией, как минимум стал догадываться о неких проблемах на белом свете.

Засев за машиной, Ристич осмотрел кусок видимого ему пространства. Ни машин, ни пешеходных полицейских патрульных.

«Центр города, так растак».

Услышав выстрелы, мэр отпрянул от окна и с испугом посмотрел на телефон.

«Какой номер? Какой номер? Куда звонить? Полиция! Полиция! Номер вызова полиции? А он и без туфлей еще, но уже в рубашке, как же так? Почему не предупредили?»

Охранники в холле, услышав очередь, повытаскивали стволы, рассредоточились, спрятались за колоннами и за углами, разогнав находившихся на тот момент посетителей и сотрудников по коридорам. Они все воевали, совсем недавно. Без боевого опыта охранять администрацию города в Сербии – пустое дело, никто не возьмет. Вначале понюхайте порошу, а потом милости просим.

Резар не вчера родился и понимал, что теперь их ждут с той стороны, но время деньги. Благодаря оптическому прицелу на автомате Лоренк спокойно сдерживал неизвестного полицейского, прятавшегося за машинами, а в это время Эгзон вышиб стекла дверей очередью. Им тут же в ответ начали отливать свинец, ну и зря. Высунув в холл ствол автомата, он выпустил из подствольника боеприпас и отпрянул.

ТЫ-ДЫЩ!

Долбануло хорошо. Там, он знал по опыту, брызнули осколки, поднялась пыль, ударная волна, отупляя, прошлась по мозгам. Хотелось надеяться, что кого-то приговорил. Не рискуя, высунул дуло в холл Резар, проделал ту же самую процедуру.

ТЫ-ДЫЩ! Еще раз.

Судя по стонам раненых, процесс пошел.

Вбежав внутрь, они добились охраны и стали расстреливать всех, кто попадался им на пути.

Женщина сидела на полу рядом с лестницей посреди бетонной крошки, поджав ноги, и смотрела на них с безумием. Эгзон без колебаний выстрелил ей в голову. Заметив любопытную голову в конце коридора, он, не жалея боезапас, под хлопок отправил туда третью гранату из их бесконечного арсенала. Судя по крикам, любопытный скрывался там не один.

Их цель – террор!

Троица, пригибаясь, забежала по лестнице на второй этаж. Никого. Входные двери в зал заседаний оказались запертыми, но за ними шла какая-то возня. Расстреляв замок, Эгзон намеревался ударом ноги открыть дверь, но через дерево в него ударили pistolетные пули. Благодаря бронежилету он был лишь отброшен назад без ущерба для себя.

Положив у порога гранату, боевики отбежали.

Взрыв сделал свое дело. Импровизированная, быстро сооруженная баррикада из нескольких столов была разбросана.

Албанцы не спешили ворваться в зал. Там был один, а может быть, и несколько охранников.

Пуля, прилетевшая откуда-то из коридора, ударила Лоренка в плечо. Он дернулся, но не упал. Посыпалась дробь ругательств, а за ней и ответный огонь. Усиленные бронежилеты OTV американского производства, может быть, даже снятые с убитых солдат в Ираке или Афганистане, служили новым хозяевам.

В голову сразу не попал? В ногу не ранил? Молись своим богам. Тебя идут убивать!

– Проверь! – крикнул приходящему в себя Лоренку командир.

Худой двухметровый наемник пошел искать больного на всю голову. Убежал бы давно, но нет, воюет. Нарывается.

Эгзон без раздумий бросил в зал гранату М-26. Шлейф из криков и стонов сразу же после взрыва прокатился по помещению. Две, может быть три, женщины кричали в истерике. Стонали раненые. Порвало там явно многих.

– Не стреляйте, мы сдаемся! – вылетело из дверей.

На секунду стало тихо, если не считать воя раненых и мычания контуженых.

Резар скомандовал, чтобы Эгзон заглянул в дверной проем. Наемник выглянул и снова спрятался за углом. Выстрелов не последовало. Единственный охранник лежал у самого входа, разглядывая стеклянными глазами потолочные светильники. За ним человек тридцать, в основном мужчины старше среднего возраста, отпрянули назад, подальше от входа, и стояли в бессилии и растерянности. Кто-то лежал на полу. Кто-то сидел, держась за голову. Но сопротивляться они были не готовы. Им было просто нечем.

Боевики вошли в зал.

Сминающаяся под весом наемника упругая подошва туристического ботинка поглощала звук шага, но легкое шуршание оставалось, что не могло не раздражать. Лоренк понимал, что его слышат, но летать по воздуху он еще не научился.

Какой-то мужик лет тридцати, в фисташковом костюмчике, несмотря на жару, внезапно выскочил из дальнего дверного проема и, стоя во весь рост на фоне торцевого окна, стал пулять в боевика из чего-то легкого и маленького, пытаясь стоять боком, как на дуэли, и при этом приподниматься на носки, наверное, для того, чтобы стать тоньше.

Короткая очередь отбросила тело на находящееся за ним окно. Пули пробили бедолагу насквозь. Он взмахнул в полете руками, пытаясь удержать уже бесполезное равновесие, не понимая, как же так произошло, что он больше не может стоять на земле. Хотя бы на носочках.

Стекло крошилось, стрелявший – наверное, сотрудник, а может, в гости зашел – стонал. Остатки стекла впились ему в спину, и кровь потоком полилась из порезанного и расстрелянного тела по подоконнику вниз и далее по батарее к полу.

Подняв более ненужный дерзнувшему ДМП – дамский мелкокалиберный пистолетик, – боевик вернулся к своим.

Ознакомившись с лицами лежащих раненых и убитых, Резар построил вдоль одной из стен напротив вытянутого овального стола, стоящего посередине, тех, кто был в состоянии передвигаться. Убедившись в том, что мэра среди заложников нет – он просто знал благодаря инструктажу и фотографиям, кого надо искать, – зачинщик террора почувствовал прилив новой волны бешенства.

– Где Янкович? – спросил он у маленькой пожилой женщины с кудряшками, в серой юбке и строгой блузке.

– Не знаю, – испуганно ответила она и тут же рухнула на пол, забрызгав мозгами свежую краску на стене. Швейцарский инструмент в натренированной руке лишь слегка разогрелся.

Следующим был хватающий губами воздух, видимо, от сердечного приступа, пузатый мужчина в очках.

– Крыса, – прокомментировал внешность гражданского Эгзон.

Думая, что поступает благоразумно, пузан, не дожидаясь идентичного вопроса, сообщил, что мэр, вероятно, у себя в кабинете на третьем этаже.

Резар оглядел захваченных сербов, посмотрел на часы на руке, на подошедшего Лоренка, на стоящего чуть ближе Эгзона, засунул пистолет в кобуру и рывком сдернул с плеча забытый на время автомат.

– Опаздывает. Нехорошо.

После чего начал расстреливать всех подряд. Диверсанты устроили бойню, убив всех представителей власти в городе, невзирая на пол, возраст и тем более чины.

Запах ужаса и крови остался в большом вытянутом зале с задернутыми от надоедливости светилы белыми занавесками.

А еще парила взвесь. Толстые потоки пыли засвечивались в проникающих по краям занавесок лучах, металась в растревоженном воздухе, не находя возможности успокоиться.

– Чем мы дышим? И душно, – пожаловался сам себе Резар. – На третий этаж, быстро!

Перезаряжая на ходу магазины, они снова вышли в коридор и стали аккуратно подниматься выше, ожидая внезапной атаки и в лоб, и в спину в любой момент.

Мэр, услышав стрельбу, забыл про свой праведный гнев по поводу грязных пляжей и сосредоточенно вызывал полицию, обнимая секретаршу одной рукой за талию, чего никогда не делал.

Взрыв от первой гранаты потряс и его. Поглядев странно, как показалось помощнице, немного с хитрецей, он положил телефонную трубку на место подошел к окну и посмотрел вниз.

– Валить надо, – таинственно и зловеще пробурчал он и дернул раму на себя.

Секретарша вскрикнула и покосилась на дверь.

– Нельзя. Не выходи. Они пришли за мной. Я знаю, сон видел, – выдал Янкович и встал во весь рост в проеме окна.

Внизу какой-то человек с пистолетом в руке, согнувшись в три погибели, пересекал площадь. Увидев мэра, он закричал:

– Не делайте этого! Вы разобьетесь!

Опомнившись, Янкович посмотрел вниз куда более осознанно и, оценив высоту, присел. Выстрелы подгоняли его принять решение: или вниз – и как минимум сломанные ноги, или обратно в кабинет – и пуля в лоб.

Выбор небогат. По душераздирающим крикам, доносившимся снизу, он понимал, что избежать расправы ему вряд ли удастся.

Второй взрыв гранаты заставил бетонное здание загудеть. Мэр качнулся, слез с подоконника в сторону улицы, свесил ноги, чтобы быть как можно ближе к земле, и, глядя в лицо подошедшей к нему на ватных ногах испуганной, но не осознающей до конца, что ей грозит через минуту, а потому любопытствующей секретарше – ведь ей, похоже, предстояло совершить через несколько секунд то же самое, – отпустил руки.

Ристич встречал мэра.

Человек в рубашке и брюках полетел вниз. Стараясь сделать расстояние до асфальта минимальным, он даже вытянул носочки, но не оттолкнулся от стены хотя бы на десяток сантиметров. Напряженная, готовая к столкновению нога задела подоконник второго этажа и придала вращение всему телу. Беднягу закрутило так, что голова его коснулась спасительной твердыни первой.

Слабый хруст шейных позвонков возвестил о кончине уважаемого гражданина города Кралево.

Испуганная помощница вскрикнула и отпрянула в глубь кабинета.

Треск трех автоматов на втором этаже заставил ее все же вернуться и посмотреть на стоящего внизу мужчину, не обращавшего внимания на труп и негромко зовущего ее:

– Девушка, девушка, прыгайте вниз, не бойтесь, я вас поймаю.

Из-под черепа разбившегося начало растекаться темное пятно. Глядя на последствия прыжка, секретарша испытывала ужас и пыталась найти в глазах черноглазого мужчины внизу гарантии того, что с ней ничего подобного не произойдет.

– Так же, как он, только оттолкнитесь немного!

Услышав за спиной шорох, девушка вскрикнула и полезла наружу.

– Они близко! – завопила она, довольно ловко и шустро свесилась на руках и без промедления сиганула вниз.

Поймать даже не слишком тяжелую барышню на руки – об этом Ристич и не мечтал. Как только она упала, тут же подбежал к ней, но наткнулся на крик, иссекаемый жгучей болью от переломанных костей стоп и голени.

– Вставай! – еще не зная о серьезности повреждений, заорал он и рывком рванул ее на себя.

Эгзон без энтузиазма расстрелял дверь кабинета руководителя города и вошел внутрь. Никого.

С улицы кто-то кричал на сербском: «Вставай!»

Он выставил вначале в проем ствол, затем показался сам.

Раненая девушка, которую пытался утащить в сторону Ристич, увидела оружие и вскрикнула. Бросив девицу, совершающий рыцарский поступок Милош поднял ствол вверх быстрее глаз и нажал на курок, практически не глядя. Это его и спасло.

Фонтанчик, состоящий из сгустков крови и мелких костей черепа, поднялся над Эгзоном, известив боевиков о безвременной кончине их подельника.

«Специальный шлем надо надевать на такие мероприятия. А понты оставить для бандитских баек в кабаках...» Но Эгзона мысли сыщика уже никак не касались.

Не дожидаясь, когда в нем сверху насверлят дырок, Ристич, как заправский атлет, рванул деваху на плечо и успел скрыться за углом дома до того, как дорожка длинной очереди нашла его.

Лоренк втащил повисшего на подоконнике напарника внутрь. Под левым глазом покойника чернело небольшое входное отверстие.

– Как глупо...

– Смерть всегда глупа, – философствовал в ответ Резар, с долей блаженства разглядывая труп Янковича. – Пуганули суку. Сам... как большой мальчик... выбрал.

Четыре полицейских патруля, не включая сирен, один за другим влетели на площадь. Сербы выскакивали из своих машин и начинали отгонять зевак и устанавливать оцепление. Подходить близко к зданию, а тем более заходить внутрь никто не хотел. Приказ есть: «Ждать спецназ» – вот и ждут. Смотрят за порядком. И периметр стерегут, чтобы никто, значит, не прорвался сквозь их крепкие и организованные кордоны. Все простреливается. Не улизнут. Ни один. Всех постигнет кара сербского государства.

Передав медикам на семьдесят пять процентов безногую от травм и не вполне вменяемую на текущий момент секретаршу мэра, Ристич выцепил сержанта и отобрал у него рацию. Напрямую связавшись с начальником полиции города, он обрисовал ситуацию.

Услышав, что «их» только двое, верхи вначале обозначили свое желание:

– Штурмуйте, чего вы ждете?!

Но, услышав про автоматы и бронежилеты, передумали: нет, мол, обождите, пока придет спецподразделение.

Командир диверсионной группы приказал наемнику разобраться с рюкзаком покойного.

– Не сучай, давай расставляться, я тебя прикрою в коридорах. Через час-полтора ползут.

Сербам не повезло. Майор приехал, командир ихний, какой-то поджарый, как актер, мучающий себя фитнесом. Ребята с ним – мясо на сухожилиях и кожа. Вроде славяне, а нет качка-мужичка с пузиком.

Несмотря на кажущуюся худобу, служивые быстро построились, и бронежилеты их к земле не прижимали.

Офицер группы захвата общался с Ристичем несколько минут. Узнав, что единственную спасенную женщину сейчас с переломами везут в госпиталь, выматерился, что принято в этих

краях, как и поголовное курение, обосновывая негодование тем, что им нужен кто-то, кто был в здании.

Через паузу следователь сообщил:

– Там, похоже, всех... Если кто уцелел, то случайно, спрятался или сам убежал. Но я никого, кроме девчонки, не видел.

Спецназ, подогреваемый жаждой мести, пошел, полез, пополз в здание через парадный вход. А попробуют бежать, снайперы найдут.

Двое против пятнадцати. Без шансов. Что бы там они на себя ни надевали.

Зачистив первый этаж, солдаты нашли в двух крайних комнатах двенадцать человек. Двое мужчин, десять женщин. Ни ран, ни ожогов, ни ссадин. Только шок.

Держа под прицелом лестничный пролет, ведущий на второй этаж, Лоренк еще раз хотел услышать, что оставшийся в микроавтобусе Фатос их не кинет.

– Мы начнем... – зашептал Резар, но не успел договорить. Шуршание гражданских внизу исчезло. Идут. Все строго, методично, как положено.

Нарочно шаркая по мраморным плиткам и приглашая наступающих подняться за ними, пара поднялась выше. И снова пауза. Второй этаж подвергался санации: комната за комнатой, угол за углом. Двигаясь парами, бойцы зачищали сектор за сектором.

Майор, убедившись, что все чисто, жестом приказал двигаться выше, а сам вошел в зал и рывком поставил на ноги пораженного видом бойни и севшего на колени молодого солдата.

Расстрелянные люди лежали неестественно, в лужах свернувшейся собственной и чужой крови. Вповалку, вперемешку. Мужчины и женщины, старые и молодые. Те, кто сегодня утром сказал своим родным и близким «я ушел», или «ждите к вечеру», или «пока-пока».

Убитый парень, вчерашний мальчик, лежал к майору ближе всех, положив свою голову на спину разорванного взрывом гранаты охранника, смотрел на вошедшего и как будто спрашивал: ну как? не слишком тут у нас, правда? Извини, я ничего не смог сделать.

«А надо было идти в армию», – как-то не к месту подумал офицер.

Они больше никогда не улыбнутся, не скажут «люблю», «прости» или «здравствуй». Секундное замешательство оборвалось.

Майор вернулся. Психология доктора. Все-таки есть в рациональном подходе какой-то волшебный, неосязаемый антидот от всякого кошмара. «Так, кишки налево, печеньку направо, ищем и вырезаем опухоль».

Спецназ поднялся на третий этаж, а шуршание продолжалось. Теперь оно вело на крышу административного комплекса. Но никто не торопился.

Там, под солнышком, уже не побегаешь. Только покажи свой никчемный «кочанчик». Хруст разлетающегося спелого арбуза услышит тот, кто станет вторым. Первый не успеет ничего осознать. СВ-98 исполнит свою арию «огня и пороха», выпустив по голове пулю.

Когда большая часть группы оказалась на этаже, грохнул взрыв, и здание очень быстро наполнилось ядовитым дымом, источаемым запрятанными в коридоре шашками и еще чем-то настолько вонючим и едким, что моментально перехватывало горло. Дым валил из-за батарей отопления, из электрощитка, от дверного косяка, из противопожарного ящика, от множества светильников, с которых были вынуты длинные лампы дневного света.

Такая же парилка раскопегарилась на втором этаже.

Вся группа оказалась в ловушке. Майор успел сообразить и дал приказ к отступлению, после чего схватился за окаменевшее горло. Но тут из клубов дыма вынырнул Лоренк и выпустил в офицера очередь в упор.

Они шли вдвоем друг за другом, и стук неумолимых швейцарских автоматов сопровождал их побег. Вот один дернулся слева, пытаясь совладать с дыханием и одновременно вкру-

говую начиная поливать все вокруг себя. Не дожидаясь, когда его заденет, Резар выпустил две двойки и проследовал вниз.

Покинув третий этаж, террористы наткнулись на шквальный беспорядочный огонь, который вскоре поутих сам. Смертоносные осы перестали выбивать следы в штукатурке, приглашая их спуститься еще ниже, в желтовато-молочный ядовитый туман.

Как только из здания снова стала раздаваться стрельба, Фатос натянул на рожу противогаз и подорвал две сумки, заблаговременно припрятанные им под машинами на небольшой дистанции от себя слева и справа.

Для оцепления, находившегося всего в нескольких метрах впереди, подрыв шашек с газом оказался полной неожиданностью. Люди падали вокруг микроавтобуса на землю, хватаясь за горло, а Фатос, запустив двигатель, рванул к центральному входу.

По счастливой случайности следователь Ристич находился на дистанции от машины террористов и, видя, какой эффект газ производит на людей, попавших в зону поражения, поспешил отбежать подальше.

«Неужели уйдут, твари?» – негодовал он, запрыгивая в свою машину и давая задний ход, при этом едва не сбивая бегущего прочь прямо посередине дороги случайного свидетеля, а теперь и участника драматических событий.

Снайпер, расположившийся на крыше здания, ограничивающего площадь с одной из сторон, как только увидел дым, прильнул к оптическому прицелу и взял под контроль вход.

Дернувшийся к холлу микроавтобус напряг его, но стрелять на поражение он не мог, так как силуэт водителя скрывали от него две задние дверцы. Зато это мог сделать его напарник, находящийся с противоположной стороны. Ему сейчас как раз должен был быть виден водитель.

Дым, валивший из здания, не настолько интенсивен, чтобы мешать. Раздался выстрел. Один.

Довольный Лоренк хмыкнул, с уважением разглядывая через стекла противогаза здоровенный оптический прицел, прикрепленный к своему автомату. Резар похвалил его, ударив кулаком в плечо. Подбежав к машине и дернув уходящую в сторону дверь, террористы ввалились внутрь микроавтобуса.

– Не спи, жирный, гони!

Фатос рванул.

Не все полицейские, стоящие в оцеплении, были отравлены. Приходилось стрелять. Открыв дверцы с обеих сторон, Резар и Лоренк поливали огнем из автоматов всех, у кого было оружие.

В Резара попали несколько раз, но усиленный бронежилет спас его.

Пули прошивали кузов, крошили стекла, разбрызгивая мириады осколков, вздымая вверх плотные черные занавески. Взвизгивали над ушами, норовя задеть голову. А они уносились, уносились прочь, несмотря на отчаянное сопротивление полицейских.

Протаранив мешавший ему седан, водила понесся дальше по улицам, тупо мыча от ужаса и адреналина, растопырив шальные глаза и впившись в баранку.

Кралево – не Мехико или Рио-де-Жанейро. Тут три квартала в любую сторону, и пошла сплошняком зеленка. Одноэтажные домишки, отрезки полей, а потом и дичь, и буйство июльской природы...

– Воды дай, – сдергивая противогаз и сплевывая в открытую дверь, потребовал Резар, обращаясь к Лоренку. Бутылки были где-то там, рядом с ним.

Командир оглянулся. Лоренк лежал, повалившись на бок.

– Эй, ты чего? Эй! – Он потряс напарника за плечо.

– Ничего, – вяло ответил тот. – Ну, мы и засранцы...

– Отойдешь. Ты мужик, твою мать, или срань?! А скажи, жирный, по полной мы сегодня оторвались! Через час уже Косово, друже. Я тебе из своих запасов презентую кокса. Нажремся. Веселитесь, раздолбаи!

Лоренк поднялся, закрыл со скрежетом боковую дверь и передал командиру маленькую бутылку минералки, закупленную, как и было велено, Фатосом в находящемся по соседству с администрацией магазинчике.

– За нами «хвост», – выдал безразлично водитель и ткнул пальцем в зеркало заднего вида.

Они неслись с приличной скоростью по дороге, ведущей к кем-то признанному, а кем-то не признанному краю Косово, но неизвестный на шустром «фордовском» седане не отставал. Уже минуты две по сторонам от дороги, то поднимающейся вверх, то спускающейся в низины, был только лес, и ничего более. Напряг чуть отпустил, а тут снова какой-то урод!

Резар улыбнулся. Открыв заднюю дверцу, он увидел метрах в семидесяти от себя машину.

Выстрел из подствольника вышел неточным, но достаточно было того, что машину дернуло и сильно подбросило задний мост, после чего она начала картинно кувыряться по трассе, выделявая пируэты и кульбиты.

– Гимнаст, что ли, за рулем? – прокомментировал Резар и закрыл дверь.

Ристич вовремя вцепился в баранку и пригнул голову. Случилось это уже после взрыва, но все же... все же лучше, чем ничего. Его начало таскать по трассе во всех плоскостях, и каждый миг он старался оценить, что с ним, как он.

Подбросило – жив. Провернулся, повис на ремне, едва не ударился головой о крышу – жив. Еще один кувырок, уже медленнее – жив. Еще. Завалился на бок и тащит юзом. Удар!

Деревья, наверное... Темнота, но ненадолго. Приложился головой, но цел, цел. Су-у-уки!

Отстегнулся. Вылез. Закурил. Сломал две сигареты, пока получилось. Нормально. Жив. А коробочка его прочная оказалась. Не прогадал с покупкой. Жаль, не увидит момент, как их достанут... Ну и ладно.

Дорога пошла в горку. Сейчас за этим холмом будет последний сербский спуск, а дальше албанская земля начнется. Должны, должны, должны...

Принудительный подрыв противотанковой мины ТМ-89 нельзя было назвать удачным. Сапер немного опоздал.

Машину с террористами на самой вершине холма подбросило. Бензобак с остатками топлива, взорвавшись, поддал жару, поднимая таратайку в воздух. Беглецы сделали идеальное сальто вперед благодаря рвущимся под днищем химическим соединениям, а после плюхнулись на свои родные колесики и уныло заскрипели к ближайшему дереву.

Ни хрена не понимая, что творится вокруг, Резар вывалился из летательного аппарата и помчался в лес, сжимая автомат. Вслед ему понеслись очереди. Пули ударили в бронежилет, он потерял равновесие и упал.

Оптимист за его спиной звонким голосом докладывал, что убил его.

Резар прокрутил в голове путь, которым он только что бежал, и понял, что его не смогут увидеть, пока не подойдут почти вплотную. Трава и кусты временно спрятали его.

«О, слышно, как советуют не торопиться. Правильно мыслят коллеги».

Он ужом вывернулся из бронежилета, что непросто. Бросил SIG, оставив при себе только маленький и удобный MP5SD, и, пока нападавшие мешкали, исчез в лесу.

Скрывшись за деревьями, Резар обильно посыпал собственные следы красным перцем с табаком – смесью, отбивающей нюх у служебных собак, – и устремился к границе.

Глава 2

Задача

Следователь Милош Ристич с черными кругами под глазами после сотрясения мозга, полученного в процессе кувырканий на трассе, пытался собраться и не пропускать ни единого слога и жеста, исходившего от руководителя внешней разведки Неманьи Вуйковича.

Шеф сидел в светлом, недавно отремонтированном офисе, где не осталось приевшихся наследий прошлого: массивного стола с ящиком коричневого цвета, эпического графина с водой из стекла толщиной в палец, которым можно было при случае и прибить собеседника; не было тяжелых отрезков тканей на окнах из серии «если завтра война». С пола собрали некогда ценный, успевший исшаркаться паркет, поменяли проводку; на стол, сделанный из черного стеклянного монолита, поставили огромный монитор. Создали светлое приятное для общения пространство. Едва уловимое, если сидеть в полной тишине, шипение кондиционера, холодильник с минералкой... Работай, не хочю.

К сожалению, фотографии, которые разглядывал полковник Вуйкович, не поднимали ему настроения. За окном шумел летний Белград, люди думали, где и как укрыться от жары, какое мороженое слопать, – а он думал о том, как ему не вылететь с работы. Президент уже звонил. Немного поругался, подавил на психику и отключился. Не умеет он, не военный. Но уволить-то уволит. А зарплата хорошая. А семья большая. А чувство долга... А жажда мести – никакого пособия от государства не надо...

Покопавшись в простенькой тумбочке из такого же стекла, как и стол, шеф передал Ристичу другие снимки.

– Вы этого видеть не могли. Мы завалили всех, но группа была оснащена точно так же. О потерях с нашей стороны я умолчу.

Глядя на снимки убитых боевиков, чье снаряжение и оружие, казалось, взяли со стендов последней выставки, Ристич начал понимать ту жестокость, с которой пограниц, капитан Власевич, потерявший в засаде трех человек, допрашивал уцелевшего после взрыва боевика. Рыхлого водителя – с тем быстрее дело бы пошло – спасти не удалось. Сдох.

Ристич сам, охая от ушибов и ссадин, дошел до места подрыва микроавтобуса. Лоренка уже успели вынуть из панциря и начали избивать рядом с горящей машиной. Полицейский не видел всего, но мог догадаться, что лупили его уже пару минут. Били, но не убивали.

Выхватив нож, капитан подсел к хватающему ртом воздух, раскрывшемуся и завалившемуся на спину террористу и с размаху проткнул ему ладонь, прищипив ее к земле. Пленный дернулся и застонал.

– Не вставай, – с мрачной улыбкой посоветовал капитан. – Сколько вас, тварь?!

Лоренк, несмотря на боль, молчал. Выстрел в коленную чашечку заставил его дернуться и зытись от боли, многократно прокусывая собственные губы.

– Не отключайся, ты нам нужен, – продолжал капитан. – Я жду. Сколько вас?

Ни одного членораздельного слова. Дело стопорилось. Скомандовав бойцам, чтобы подняли, он лично взял голову убийцы и прислонил ее щекой к продолжавшему гореть кузову микроавтобуса.

Душераздирающий вопль не затихал, потому как пленного держали и не давали ему убрать голову от раскалившегося железа.

Знаете, почему яйца отвратительно воняют, когда горят на сковородке? Это разрушаются белки. Вот примерно так же, только туже, насыщеннее, стал пахнуть воздух.

Несмотря на свой опыт – по молодости пришлось побегать по лесам и повоевать, – Ристич не смог смотреть. «Колись, дурак. Надо, надо. Чего молчишь? Поймали – рассказывай. Игра такая».

– Красавец. – Разгоряченный офицер смотрел на обуглившуюся и дымящуюся сторону диверсанта. – Я, конечно, не французский повар, но... с корочкой хочешь? – Он взял голову Лоренка, посмотрел в ее еще здоровый и незапекшийся глаз, собираясь приложить кочан к горящему кузову другой, пока еще не обожженной стороной, но услышал долгожданное покорное мычание.

Пленный выложил все. Но самое главное, он рассказал про Влера – албанский порт, из которого к месту сбора группы приезжал грузовик с оружием и снаряжением в сопровождении тучного и мордатого Фатоса...

Ристич отдал фотографии обратно полковнику.

– Раз уж вы влезли в это дело, вам и продолжать. Ваш опыт сыскаря нам пригодится там, у моря. С русским как у вас?

– Да не особо. Но языки похожи.

– Точно, – согласился Вуйкович. – Мы должны прекратить эти диверсии. Иначе начнется новая война. А у страны нет на это ресурсов! – повысил голос полковник. – Уже сформировано ополчение в вашем родном Кралево, премьер поехал лично уговаривать людей. Пятьдесят четыре человека убито, еще восемь отравлено газом, остальных выгнали. Эти суки применили дымовые шашки и одновременно подорвали баллоны с хлорпикрином. Людей на улице спас сильный ветер. А в здании... Всех... – Начальник тряхнул кулаком. – Отправляйтесь на границу с Косово. Документы вам сделаем. С вами свяжется наш человек. Инструкции возьмете у моего зама. Найдите канал поставки оружия. Это приказ.

...тринадцать, четырнадцать.

Довольный Голицын спрыгнул с турника на землю. Наступила очередь Маркони. Они – победители недавних спаррингов – подтягивались, с каждым разом прибавляя к количеству повторений единицу, и менялись друг с другом.

Чем больше времени ваш соперник проводит на турнике, тем больше времени у вас на восстановление. Вот такая русская народная забава, в некоторых областях известная как «игра в «армяна», тот, кто не смог подтянуться необходимое количество раз, тот «армян». В атлетике такой способ выполнения упражнения называется «твоя очередь – моя очередь», но играть в «армяна» почему-то азартнее.

Они поднялись до четырнадцати, а потом их ждал путь вниз – надо было выполнить упражнение еще тринадцать, двенадцать и так далее раз до одного. Руки уже затвердели, мышцы на ощупь напоминали палку финского сервелата, но пока Поручик держался. Более жилистый Марконя ждал с подхода на подход, что старлей «сдохнет». Турник – это его стихия, и никому с ним не совладать. Он король всего побережья, и честь оказывается тому, кто вступает с ним в заведомо проигранную схватку.

Ветер с залива сам забрасывал в легкие необходимый кислород, только рот открой.

Показалась голова над турником, поставленным на горушке ради развлечения, – посмотри на окрестности с высоты. На кораблики в бухте, кажущиеся крохотными с высокой сопки, на уходящий в рейд танкер, на бесконечный горизонт, на бликующую ткань воды, на повисших чаек, высматривающих под водой добычу.

Посмотрел? Пора руки разгибать, бицепсы затекли.

Задержавшись над перекладиной, Голицын понимал, что выдохся. Если уходишь, уйди красиво. Спрыгнув, он мгновенно отошел от напряжения, но понимал, что дошел до предела, а довольный Марконя комментировал:

– Слабак.

– Может, в зал, пожмем родимую? – поддел Поручик, но вовремя умолк, потому как подзабыл об ушибленной в спарринге руке.

И иметь бы Денису сегодня снова бледный вид, если бы не сотовый телефон. Группу срочно собирали в штабе.

– ...Едем купаться, загорать, – начал инструктаж Татаринцов, рассматривая шестерых подчиненных, рассеявшихся за партами учебного класса.

– Опя-ать, – промычал Малыш, но тут же поспешил извиниться.

– Ничего страшного, – любезно принял ошибку подчиненного командир. – После как-нибудь пробежите пять километров по стадиончику, и инцидент исчерпан. Можно в кроссовках.

– Так точно, – согласился погрузневший мичман.

На огромном мониторе появилась карта Европы.

– Два дня назад в сербском городе Кралево... – Мышка ткнула в точку, и после двойного щелчка карта выросла вдвое. Щелкать пришлось не раз, пока бойцы не увидели небольшой городок, расположившийся сразу на трех речках. – Произошло следующее... – На экране начали сменять друг друга фотографии зверств боевиков. – Диверсионная группа из четырех человек, состоящая из албанцев, вооруженная современным оружием и спецсредствами, вошла на территорию Сербии со стороны Косово. Расстреляв администрацию города, они заманили местное спецподразделение в ловушку. Применяв дымовые шашки и хлорпикрин, уничтожили отряд. Одновременно с началом боестолкновения пустили дым и яд на улице, благодаря чему сумели вырваться из города. Перехвачены пограничниками на границе с Косово. Командир группы смог уйти. Один взят живым, остальные уничтожены.

Голицын спокойно смотрел до того момента, пока килобайты снимка не сложились в картину бойни в зале заседаний. Увиденное проняло.

– Это вторая группа за неделю. Первую смогли заблокировать и не дали ей развернуться. Сербь не говорили о потерях в первом случае, но по тому, что мне передали, можно судить об ожесточенном бое. Сколько таких отрядов еще будет – неизвестно. Если не прекратить диверсии, конфликт на Балканах вспыхнет с новой силой. Цели тех, кто стоит за боевиками, пока не ясны.

От политики к практике. Фотки исчезли, и появились образцы снаряжения боевиков.

– Это не голодранцы. – На экране возник американский усиленный бронежилет OTV с характеристиками. – Останавливает пулю калибра 7,62. Используется в Афганистане и Ираке, защищает пах и плечи, в усиленном варианте просто бетон.

Дальше пошли SIG и пистолеты с глушителями. Потом оптика, ножи, ботинки, оболочки дымовых шашек, ручные гранаты, гранаты к подствольникам, обгоревшие противогазы.

– Шестьдесят два трупа, плюс трое пограничников – шестьдесят пять. Сербия воеет от ярости. Основная задача: прервать поставки оружия. Отслеживание, сканирование, возможно, обыск прибывающих в порт Влера, это в Албании, судов. Выдвигаемся через два часа. Через четыре должны быть в воздухе. Садимся в Цетине, Босния и Герцеговина. Едем на побережье, перебираемся на яхту и выдвигаемся к албанскому порту. Мичман, раздайте документы. – Малыш взял со стола новенькие российские загранпаспорта. – Учите, кого и как зовут. Для местной полиции вы богатые русские на отдыхе. С чем вас и поздравляю. Там курорт у них, иху ж мать. Поддержка: «Ил-76», на котором и прибываем. А также в акватории Ионического моря... – командир вернулся к карте и показал, где названное море находится: «вот Греция, вот Италия, вот море», – торчит фрегат «Смотрящий», который гоняет по региону, по словам небезызвестного вам вице-адмирала Старостина, французскую подлодку. Свидание у них в строго назначенное время. Недавно получили новую вертушку «Ка-40», чем очень гордятся. Нам как раз подойдет.

Появилась картинка палубного вертолета. Красив, зараза. И не топорщится из него ничего, все спрятано и обтекаемо. И два винта, как у «Черной акулы». Принц, ни больше ни меньше.

– Старшим группы назначаю, согласно званию, капитан-лейтенанта Марконю. Сам отправляюсь в Сербию. Встретиться с вами должен в албанском порту. Командировка продлится или до выполнения задачи, или до смены, которая будет через два месяца. Времени у нас достаточно. За работу.

«Если хочешь что-то сделать, сделай это сам», – повторял раз за разом про себя Резар, пристроившись сзади к травленной блондинке с большими сиськами. Напряжение накопилось. Снять его не удавалось ни выпивкой, ни наркотиками, ни шлюхами. Он три дня как вернулся с операции, два дня как вылез из госпиталя, день как кутил.

Первую тройку обнаружили и раздолбали еще до того, как они успели хоть что-то сделать. Потом он стоял в кабинете перед руководителем организации НОФА и заместителем премьера Албании в одном лице, а тот истерил и мочился на него кипятком в течение часа, забрызгав при этом слюной дорогуший иранский ковер.

«Иди тогда сам! Иди сам, если не можешь подобрать людей!»

Фатоса в первый рейд Резар не послал. Не желая участвовать, толстяк откупился от него последними деньгами. Для второго раза средств у него уже не было. Пошел, пополз, побежал.

«Он чуть не завалил все дело», – вспоминал Резар, продолжая протыкать девку.

– Отвали, – вдруг пнув ее коленом от раздражения, пересел на небольшой диванчик.

Кончить он не мог минут десять, а может, и больше. Делано рассмеявшись, девица изогнулась и, повернув шею, стрельнула на него карими глазками, а потом встала с мягких подушек, разбросанных на малиновой скатерти, и стала трясти загорелой задницей без единого намека на полоски от стрингов прямо перед носом развалившегося мужика.

– Сядь! Пей! – скомандовал он, хлопая ее одной ладонью по ягодице, а другой рукой разливая в стопки вискарь.

Приложиться к пойлу так и не удалось. Дверь комнаты борделя неслышно открылась, и в гости к парочке вошел Джезим с неизменной сигаретой во рту.

– Выйди, – хрипло приказал он девке.

Та дернула прочь так, будто разжались скобы невидимого капкана, будто до сего момента она была вынуждена скулить от боли.

– Вы чего там устроили, недоумки? – хрипло поинтересовался дед, брезгуя присаживаться, прислоняться, дотрагиваться до чего-либо в провонявшей спиртом, блевотиной и испражнениями комнате заезженного притона.

Резар пялился на местного мафиози, пытаясь сообразить, как он тут появился, и главное – зачем.

– Я вам, уроды, для чего дал оружие? Для того чтобы вы мочили мирное население, чтобы вы женщин убивали?! Детей?!

– Мы не стреляли в детей, – оправдывался Резар, пытаясь выгнать из глаз пьяных назойливых мушек.

– Двое умерло в больнице. Вы траванули их газом, бараны.

– Мужик, – набрался смелости Резар, вспомнив, как прочна его «крыша», – не вмешивайся, этим занимается наша разведка.

– Не буду, – легко согласился Джезим, вытащил пистолет и выстрелил в голову тому, чьи руки были по локоть в крови, охота за кем могла привести к выходу на его организацию. – Пусть разведка занимается и дальше.

Труп стек по спинке дивана и завалился на бок.

Вложив в кобуру миниатюрный «Глок-26», старик вышел, опустив голову и ковыряясь в сигаретной пачке. По сторонам можно не смотреть и не бояться – две ручные обезьяны прикрывают у дверей. Мафия как-никак, не детский сад.

Кортеж из трех микроавтобусов, преодолев символический шлагбаум с будкой охранника, не спеша въехал на территорию стоянок частных яхт в городке Будва и, легонько поддав, понесся по асфальтовой неширокой дорожке к месту, известному только «капитану Сереге».

Приехавший в аэропорт встречать «Кракен» человек представился именно так. Он был не стар и не молод, вышагивал в шортах и майке, демонстрируя окружающим волосатые ноги и руки, улыбался полными губами и даже, казалось, носом, выставляя напоказ белые зубы.

Спецназовцев сразу предупредили, чтобы они не задавали лишних вопросов капитану яхты, а они и не задавали. «Дети, что ли? На задание прибыли».

Приземлились в военном аэропорту: полоса, будка диспетчера, ангар. Когда начали вываливаться, сохранять кирпичное выражение на лицах стало невозможно. Солнышко светит, воздух – не надышишься. Персонал приветливый, с любопытством таращащийся. Еще бы, с корабля на бал приехали новые русские на военном самолете. «Россия богатая страна, нефти у нее много. Богачи дружат с военными, а военные с богачами – еще сильнее» – так думали служащие аэропорта, глядя на то, как «Ил» открывает грузовой люк. «Поскорее туда, там самое интересное, привезли-то чего?»

К самолету подъехали три микроавтобуса разных мастей и пород, с тонированными стеклами. Тут же из-за плотного черного полога появились люди в шортах и гавайских рубашках и попросили зевак отойти в сторонку и не подсматривать, чего там у них за занавесочкой находится.

Голицын, топая по рампе кроссовками на босу ногу, невольно выставив напоказ двум боснийским техникам крепкие икры, попросил отвалить. Могли бы подогнать машины и поближе, но за рулем местные, пусть и проверенные товарищи, секретность соблюдать необходимо. Оружие, снаряжение и акваланги с костюмами пришлось оттащить от самолета метров на тридцать и разбрасывать по вместительным салонам коробочек на колесиках, из которых специально была вынута большая часть сидений.

Голицыну и Малышу достался кремовый «Фиат», пусть и новый, а всем остальным – «Мерседесы», отчего самая могучая часть отряда как-то скисла и почувствовала кидок.

У боснийского причала утомленных долгим перелетом морпехов ожидала сказка длиной сорок метров, шириной восемь и высотой с трехэтажный дом. Пришвартовавшись левым бортом, белоснежная моторная яхта, принявшая албанское подданство, о чем свидетельствовал темно-красный флаг с колышущимся на ветру черным двуглавым орлом, вызывала восторг и эйфорию своими плавными обводами и ультрасовременным дизайном. Денис не поверил, что ЭТО достанется им в пользование.

Простая и красивая «девушка» с именем «Мария» распахнула мягкие объятия для приема суровых гостей.

Денис вылез из машины и с интересом, как и остальные «туристы», воззрился на современный идеал скорости и форм.

– Не стоять, – обозначил власть Марконя, – начать разгрузку.

«Нам, простым служивым, не принято расспрашивать у всезнающего начальства, откуда такие роскошества на нашу голову свалились. Я уже готов находиться в этой командировке вечно», – такого рода мыслишки искрились в голове старлея, пока он затаскивал по колебавшемуся под ногами трапу, соединившему корму яхты и берег, две сшитые из брезента огромные зеленые сумки.

Ступив на палубу, Поручик сделал окончательный и абсолютно верный вывод – «новье».

Расположив тяжеленный багаж и оборудование аккуратно, даже с некоторым трепетом, бойцы расселись на второй палубе в кают-компани. Кругом светло-коричневое дерево. Солнечные зайчики бегают по надраенным стеклам. Мягкая мебель обтянута молочной кожей. Барная стойка без крепких напитков, одни «колы» и «воды». Высокие стульчики, низенькие пуфики... Тявкаящей лохматой болонки не хватает для придания живости, что ли?

Марконя, видимо, успев переговорить со шкипером Сергеем по дороге, «вышел на сцену».

– Первое. Обстановку видите. Как зашли сюда, так и выйдем отсюда. Нас здесь никогда не было. Второе. Через пятнадцать минут отчаливаем и выходим к порту Влера. Торчим в акватории. Приближаемся, удаляемся, наблюдаем. Ждем поддержки с суши. Третье. Задержать дыхание. На яхте у капитана два помощника... – Командир группы жестом передал слово волосатому капитанчику:

– У вас будет обслуживающий персонал. Битте.

Из двери, ведущей в камбуз, вышли одна за другой две молодые женщины.

– Гутен таг, – сказала зеленоглазая с крашенными в ярко-красный цвет торчащими из-за нещадной стрижки волосами.

– Здравствуйте, – с невыносимым акцентом произнесла беленькая, преподнося белые и блестящие, как вершины гор, зубы и аккуратную стрижку каре.

Голицын с Дедом тут же оживились, особенно Дед. После того как он не разглядел бутылок в баре, его настроение упало, но теперь все вставало на свои места.

Военные почувствовали прилив сил, даже спать после переброски не хотелось. «Море! Солнце! Немки! Это и есть жизнь!» Два матерых морпеха как-то уж близко к сердцу восприняли появление представительниц противоположного пола. Реакция совершенно нормальная, но не к месту, не к месту.

– Предупреждаю, – Марконя отчего-то сглотнул слюну, разглядывая дам, и, показалось, напрягся, – одно неверное движение, товарищи краснофлотцы, и «ауфвидерзеен» с позором из армии, это минимум.

Голицыну больше понравилась та красная, у которой волос на голове почти не было. Лицо у нее помягче, чем у ее подружки, хотя и не красотка. Волевая бабенка. Плечистая, мускулистая. Даже раздевать ее не надо, и так все видно. Блондиночка была посерьезнее, постарше и как-то холодна. Черты лица резкие, мужские. Карие глаза недоступные. Ну ее...

Одеты дамы были одинаково: белые сорочки, темно-синие бриджи, на ногах полукеды. Красноголовую звали Герда, белую – Грета. Не запутаешься, если они в один прекрасный день не предстанут с одинаковыми прическами.

Малыш поймал себя на том, что чешет темя, и уже довольно долго. Опомившись, он медленно убрал руку, потом поднял ее в воздух и сказал:

– Хелло.

Почему группе предоставили шикарную яхту, почему в помощниках капитана немки, не знал никто, кроме шкипера Сергея, а он предпочел на данную тему не распространяться. Во всяком случае, пока.

Герда, плохо скрывая свое хорошее настроение, провела Голицына и Диденко в их каюту.

– Ту плейсес? – справился по-английски Поручик.

– Оф коз, – ответила немка и продолжила улыбаться.

«Чего она улыбается?» Это стало ясно, когда они спустились на палубу ниже по винтовой лестнице, прошли по коридорчику в сторону носа и открыли боковую дверь.

Ну что ж. Каюта. Она прекрасна.

Плазменная панель. Для мужчины это важно. Небольшое креслице. Столик для работы с ноутбуком. Сам ноутбук. За дверкой белоснежный унитаз и умывальник с позолоченным кра-

ником. Над ним зеркальце в обрамлении из надраенных кленовых листочков, не исключено, тоже драгоценного металла.

«Платина! – дошло до прибалдевшего Голицына. – Или обман?»

Когда Голицын вышел из гальяона, то увидел, как Диденко показывает немке жестом на кровать и галантно спрашивает:

– Йес?

В ответ красноголовая качала головой, при этом улыбка с ее лица куда-то делась.

За роскошью и чистотой прекрасного корабля от Поручика ускользнула одна деталь: кровать была одна. Для молодоженов. Широкая. Упругая, поди. Скакать не перескочить сие поле вдвоем с невестой...

До «невесты» все дошло намного раньше. Неспроста все эти «йесы».

– Ту мэнь, йес? – подхватил Голицын, совершенно забыв про предупреждения Маркони о возможной ответственности.

Ее загорелая кожа стала белой, а потом красной.

Увидев реакцию самочки на поступающие к ней предложения, «поручик Ржевский» нахмурился и ткнул в ноутбук:

– Интернет?

Хозяйка бесшумно и плавно двинулась к компьютеру и включила его. Загрузка операционной системы прошла секунд за десять. Эк, шуэстра. Голицыну не терпелось оседлать арендованную Министерством обороны четырехъядерную лошадку самому.

«Игрушки есть там, или так, чванливо-офисный набор?»

Появился «рабочий стол». Картинка заставила сморщиться и отпрянуть.

«Ненавижу дельфинов».

Пара умнейших млекопитающих на фоне серебристо-желтой паутины бликов водной глади синхронно высунула из воды узкие морды.

«Брр. Какая гадость».

Показав, куда тыкать, чтобы увидеть «Гугл», стюардесса вышла, бросив по пути правильную фразу на плохом русском: «Ужин через час».

Реально хотелось жрать и спать.

Меж тем яхта пришла в движение и начала набирать ход.

Всякий раз, попадая на границу с краем Косово, Ристич начинал дергаться. Такой ненависти, какая кипела в нем раньше, уже не было. Десять лет назад он, услышав слово «албанец», где-то в уголке подсознания вскидывал автомат и начинал выискивать цель. Война разрушает психику, война – это кордон, граница между «нормальным» и «ненормальным». Нет никакой музыки, это не кино, нет никаких пафосно-постановочных трюков и попаданий в глаз лютого врага с первой попытки. Нет рева вертолетов поддержки и гектаров врагов, размолотых на куски за пять секунд.

Там холодно, голодно и больно. А еще серо. Сознание, стремясь убежать от наваливающегося психического напряжения, показывает тебе все происходящее как бы со стороны, так легче, так проще. И никогда снов о войне на самой войне – только дом, только родные, только тепло. Мозг пытается зацепиться, пытается найти безопасный тихий уголок и затаиться, и хорошо, если это получается, хотя бы в забыты. А еще тайно надеешься быть раненым, а не убитым. Все надеются, все, кто попал на фронт. Трусить плохо, нельзя показывать, что у тебя трясется печенка и подташнивает всякий раз, когда слышишь звуки автоматных очередей и редкие выстрелы из орудий. Говорят, что люди привыкают... Какое там! Называется сие по-другому: на себя начхать, на других начхать. К нагрузкам привыкаешь, а дальше, как овощ или робот, с редкими всплываниями к поверхности во время посиделок с кружкой водки, и тогда мысли: «Когда же это кончится?»

Приграничная деревенька, вдоль домов которой ехали Человек и Ристич, кишела курами, наглыми лающими и бросающимися под колеса шавками и недоверчиво поглядывающими исподлобья подростками. Успевшая повидать всякого за свой механический век «Шкода» приближала их к неофициальной границе с политическим анклавом.

Человек проехал через всю деревню и привез следователя на блокпост.

Сербам катастрофически не хватало квалифицированных агентов. Служба внешней разведки уже отправила в тыл к албанцам троих сыскарей, но они проваливались на ровном месте один за другим – ни следа, ни звонка. Их вычисляли настолько быстро, что шеф Вуйкович начал подозревать, что к ним пробрался «крот», а ситуация требовала, чтобы дело продвигалось как можно быстрее; и то, что задействовали полицейского, случайно втянутого в историю, давало надежду. Человек он обычный, пусть и служивый. Даже если вся их картотека попала каким-то образом в руки противника, Ристича в ней никогда не было. Гипотетический стукач не сможет ничего передать на другую сторону. У албанцев не будет его фотографии.

Блокпост – конструктор из бетонных блоков. Стеночка собрана слева от дороги, справа от дороги. Щели-бойницы, мешки с песком по бокам. На асфальте лежат толстые бетонные сваи, заставляя любой проезжающий транспорт сбросить скорость, дабы объехать, а не вписаться в умышленно наставленные препятствия. Всего в ста пятидесяти метрах «миротворческие» войска НАТО.

Затормозив у свежыкрашенного в зеленый КУНГа¹, Человек сообщил подошедшему солдату с серьезным лицом и не менее серьезным автоматом, что они к командиру, и назвал лишь фамилию своего пассажира.

Снятая с какого-нибудь «ГАЗ-66» и поставленная на две ржавые трубы автомобильная будка служила теперь погранцам домом. За маленьким столиком сидел раскисший от духоты командир блокпоста – очень для такого небольшого звания, как лейтенант, возрастной и пышноусый. Рядом с ним расположился в оливковой рубашке с коротким рукавом славянин. Судя по ситуации на столе, они на спор ловили и давили мух, укладывая трупчики в рядок на изрезанный и потемневший от времени желтый пластик.

Сообразив, что останки насекомых, пусть и надоедливых, – даже не домино, усач смел их со стола и поприветствовал гостей.

Когда Ристич жал руку человеку в рубашке, он не поверил своим глазам. Воспоминания всколыхнулись в нем и требовали имя. Как зовут его? Ну же...

– Э-э... лейтенант.

– Нет, уже капитан второго ранга, – на русском отозвался мускулистый офицер спецназа.

Убедившись, что Ристич узнал Татаринова, Человек попрощался со всеми, сел в «Шкоду» и был таков.

Роту морской пехоты в не таком далеком прошлом перебросили в Сербию для помощи в разминировании домов и дорог. Вот там у лейтенанта Татаринова и началась настоящая служба. Если жители покидали свои дома, спасаясь от войны, то возвращаться в них обратно до того, как дом осмотрят саперы, было равносильно самоубийству.

Постановка минных ловушек – это целая наука. Если ее освоить, то при наличии мин, детонаторов и, главное, времени можно создавать своего рода произведения искусства.

В помощь к отделению Кэпа, занимающемуся разминированием, приписали нескольких сербов, в том числе и Ристича. Принеси, подай – ну, и учись, смотри, что как делать надо.

¹ КУНГ – кузов унифицированный нормальных габаритов.

В тот день в роте случились первые потери. Подорвался однокурсник, а вместе с ним и сержант-контрактник. Им бы разобраться, выяснить, что да как... Но приказа остановить зачистку не последовало.

Дом, который предстояло обезопасить, расстался с частью угла, но сильным разрушениям не подвергся. Вот придут хозяева и обрадуются. У их соседей дела куда горше: не то что крыши, стен нет.

Обследовав периметр, нашли миноискателем пару противопехоток нажимного действия, расставленных в огороде. Поняв, что прикопанную дрянь придется подрывать на месте, воткнули флажки, покрутились и решили двигать в дом. Если бы тогда кто-нибудь, в первую очередь сам Татарин, задался вопросом, почему их так поставили, эту пару «безделиц»... Воткнули на виду, можно сказать. Маскировка дилетантская – тыр-пыр, и готово. Это ж философия ловушки: ослабь внимание, дай почувствовать противнику себя молодцом, а потом наноси удар.

Первым в дом вошел сослуживец тогдашнего лейтенанта, а за ним Ристич. День был. Ясно, светло, как сегодня, лето жарит по полной... Лучики по дому гуляют.

«Хрусть». Половая доска под идущими впереди подломилась. На фоне треска дерева резанул ухо неприятный щелчок.

– Назад! – заорал Татарин, дернул Ристича за шиворот и вывалился с ним на улицу... Офицер, шедший первым, не успел.

Взрыв отбросил их к заборчику, как котят, не причинив большого вреда. Прибежали, подняли, в тенечек посадили, водички глотнуть дали. Работы остановили на целый день.

Колупались в деревне еще долго. Специалистами из России обросли, как грибами, зато без потерь. Найти бы того засранца-искусника и подорвать на его же произведениях...

Ристич хорошо знал албанский, Татарин экстренно вспоминал сербский. Времени у них мало. Дело к вечеру. Успеть перекусить, переодеться, собраться да подпоясаться.

Войска НАТО защищают искусственную границу, отрезав часть Сербии и передав ненасытным и кровожадным албанцам огромный кусок земли, на который и прав-то у них нет. А потому, товарищ военный, используй лохматый костюм типа «леший» для незаметного блуждания в густом лесу, не гнушайся ока ночного ВМ25 почти нейтральной страны, да покрепче сожми в руке бесшумный пистолет ПСС, а на пояс повесь стреляющий нож НРС-2. Посмотри в кошель – как там с деньгами, в другую страну отправляешься. Вставь заряженные аккумуляторы в спутниковый телефон, проверь работу коротковолновой связи с товарищем.

Татарин собирал Ристича в дорогу, как ребенка. Показывал ему, как оживить рацию, как произвести выстрел из ножа. Говорил о том, что видно в прибор ночного видения, что не видно. Что такое «тепловизор» и, главное, почему очень нехорошо получится, если названная штука окажется у албанских пограничников с английским говорком, засевших в каком-нибудь секрете.

Ландшафт на Балканах всегда за диверсанта. Чистым полем тут и не пахнет – холмы и горы, поросшие лесом. Лучше места для «зарницы» не сыскать.

Военные говорят «складки местности», а гражданские: овраги и ложбины. И те и другие правы, когда представляют, как порою непросто ориентироваться в бесконечных лабиринтах леса, по ходу поднимаясь вверх и спускаясь вниз. Даже кратковременный переход – запутывающее мозги приключение в 3D.

Вечером попрощались с усачом-командиром, сели в старенькую «Ауди», через двести метров от поста свернули в разреженный лес и, доверившись армейскому водителю, плавно покачиваясь, поползли по канавкам и рытвинкам без всякой дороги.

Предвкушая, как работа снова подергает его за нервишки, Татарин даже как-то стал юнее и красивее в свете садящегося за горушкой солнца.

– Кури, пока можно, – предложил спецназовец, удостоверившись, что на Ристиче все сидит, как надо, и не брякает.

Через границу решили идти налегке, не набирая лишнего. Пройти полосу километра два, а дальше можно снимать с себя все военное и пешком топтать по проложенному маршруту. Под утро должны сесть в припрятанную для них машину и двинуть в Албанию, в порт Влера, искать канал получения террористами современного оружия. Шансов мало, но «фонтан» необходимо заткнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.